

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Санкт-Петербургский Институт истории
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Союз писателей Санкт-Петербурга

ОСТРОВА ЛЮБВИ БорФеда

Сборник к 90-летию
БОРИСА ФЕДОРОВИЧА ЕГОРОВА

Редакторы-составители
Андрей Дмитриев и Павел Глушаков

Санкт-Петербург
2016

Дорогой Борис Федорович, мы с Вами — петербуржцы и любим наш город. И хорошо знаем его историю. Всегда хочется сказать о нем по-новому, увидеть его с неожиданной стороны. Кажется, мне это удалось в одном из недавних своих стихотворений — и я с удовольствием дарю его Вам.

Александр Кушнер

Роман Лейбов
(Тарту, Эстония)

ЕЗДА БЕЗ РАСПИСАНИЯ

*Заметки о переписке Б. Ф. Егорова
с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц*

Предлагая вниманию эстонского читателя¹ заметки на полях тома переписки Б. Ф. Егорова с тартускими коллегами², я не думал о русской публикации. Тем приятнее посвятить ее одному из героев (и одновременно — соавтору комментарий), стоявшему у истоков кафедры, на которой я имею счастье работать.

Письма Ю. М. Лотмана к Б. Ф. Егорову были опубликованы адресатом в 1997 г.³, часть этого корпуса, дополненная немногочисленными, увы, письмами З. Г. Минц, стала одной из составляющих книги, вышедшей в Таллинне. Другую составили письма Б. Ф. Егорова, так что теперь читатель имеет возможность ознакомиться с диалогом двух коллег.

Публикация личных документов (писем, дневников), если она достаточно обширна, может представлять интерес с нескольких точек зрения. Одни и те же тексты поворачиваются к читателям, по-разному в них заинтересованным, различными своими сторонами.

Первый пласт смыслов читатель извлечет из переписки, взглянув на эти письма как на *бытовой документ* эпохи. Всякая переписка (в том числе — и лиц, не оставивших заметного следа в истории) содержит мелкие детали, которые не аккумулированы в научной литературе, рассредоточены по множеству источников. Это и бытовые мелочи, и мелочи культурного обихода: сведения о зарплатах и ценах, слухах и толках, привычках и нравах.

Собирание таких деталей, складывание из этих фрагментов мозаики общей картины — насыщенная задача источниковедения XX века (чем больше источников издано и представлено в цифровом виде, тем более реалистичной видится эта задача)⁴. Бытовой фон переписки Лотмана — Минц и Егорова представляют, в основном, Тар-

¹ Опуubl.: Reis ilma sõiduplaanita // Keel ja Kirjandus. 2013. Nr 3. Lk. 220–224. Пер. Малль Ййги.

² Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка, 1954–1965 / Подг. текста и комм. Б. Ф. Егорова, Т. Д. Кузовкиной и Н. В. Поселягина. Tallinn: Таллинн. ун-т, Эстон. гуманист. ин-т, Эстон. фонд семиотич. наследия, 2012. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц. Все курсивы в цитатах — авторские.

³ Лотман Ю. М. Письма, 1940–1993. М.: Языки рус. культуры, 1997.

⁴ Приведем лишь одну неожиданную (и кажущуюся из сегодняшнего дня несколько безумной) деталь быта советских людей начала 60-х гг., времени, когда КПСС пообещала, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме — в 1961 году из Пскова в Пушкинские Горы летал не только рейсовый самолет, но и авиатакси, которое можно было арендовать, причем цена авиабилетов не сильно отличалась от цены билета автобусного (120–122). Остается лишь восхищаться бесстрашием Б. Ф. и других пассажиров этого транспорта, приземлявшегося прямо на лужайку.

ту и Ленинград; среди иных локусов, встречающихся здесь, — Москва, Псков, другие русские города, а также Сухуми и эстонская Эльва (как места летнего отдыха). Письма также в изобилии содержат мелкие детали эстонского быта советских времен. Из каких еще опубликованных источников можно узнать, например, о том, что осенью 1965 г. в Тарту была «<...> эпидемия кори, дизентерии и — прости господи, угораздило — чесотки» (486)?

Второй круг смыслов, которые читатель извлекает из публикаций переписки, связан с *идеологией, политикой, общественной жизнью*.

В силу известной специфики тоталитарных государств, эта сторона редко бывает представлена в эпистоляриях с достаточной полнотой. В нашем случае речь идет о быте советских людей в эпоху между послевоенной сталинской и позднебрежневской стагнациями¹. «Оттепель», антисталинская речь Хрущева на XX съезде партии, возвращение тысяч невинных из лагерей и ссылки, реабилитации, либерализация политики в области искусства, первый спутник, подавление венгерского восстания, травля Пастернака, освоение целины, полет Гагарина, Карибский кризис, свержение Хрущева, процесс над Даниэлем и Синявским и первый диссидентский митинг в Москве — все эти события внешним образом в письмах почти никак не отразились. Это обстоятельство, кажется, не нуждается в комментариях: оба корреспондента — люди 1920-х годов рождения, условиями советской жизни приученные к осторожности. Отметим, что довольно показательным в этом отношении сравнение вошедших в книгу писем с более поздним эпистолярием ее героев, демонстрирующее все большую свободу частных (но доверенных советской почтой) высказываний. Намеки на актуальные события, впрочем, встречаются и в переписке «оттепельной» эпохи, чаще всего — в форме иносказаний, намеков, иронических стилизаций «чужого слова». Вот, например, отрывок из письма Егорова от 28 октября 1962 г., речь в котором идет о советско-американском противостоянии вокруг размещения советских ракет на Кубе. Первая фраза здесь совершенно серьезна, далее ученый, пародируя штампы советского новояза, переходит от иронии к сарказму: «Сейчас тревога (за будущее кафедры русской литературы в Тарту. — Р. Л.) еще усугубляется трагическим фарсом, который неожиданно возник в мире. Что ж, будем еще активнее, чем ранее бороться за прочный мир во всем мире. Американские агрессоры получают по заслугам, если нарушат наш покой! Но сегодня я пришел в восторг от реалистического предложения Н. С. Хрущева обменяться ликвидацией кубинских и турецких баз. Если империалисты искренне хотят мира, они должны будут согласиться с этим» (219).

Отметим, что в ответном письме Лотман никак не отзывается на эти пассажи (хотя в других случаях подхватывает игру²).

Повседневно-бытовые и социальные вопросы занимают в переписке достаточно скромное место; редко встречаются в ней и упоминания событий культурной жизни. Примечательно, что и они гораздо чаще попадают в письма Егорова, причем его корреспондент откликается не всегда. Приведем, однако, один пример такого диалога: 24 марта 1962 г. Егоров впервые упоминает два громких фильма, вышедших на экраны почти одновременно — «А если это любовь» (реж. Ю. Райзман) и «Девять дней одного года» (реж. М. Ромм); двумя неделями позже, посмотрев оба фильма, Егоров пишет: «Мне *огень* понравилась “А если это любовь” <...> фильм будит и зовет, если отбросить несколько фиговых листочков (+ великолепно “интима-

¹ Опубликованный в 1997 г. корпус писем Лотмана к Егорову включает и более поздние; последнее из них продиктовано за четыре месяца до смерти ученого.

² Ср. иронический отказ Лотмана от шуточного «обсуждения» официальной газетной публикации (336; 338).

ция»), <...> (фильм Ромма. — Р. Л.) должен убаюкивать героическими слезами, и лишь сложные выводы — интересны. Это — не на широкую публику» (163).

Лотман возражает коллеге, и его возражения заставляют вспомнить как работы ученого, посвященные пушкинскому реализму, так и более общие его концепции, касающиеся многоязычия как фундаментального свойства культуры¹: «<...> вы не правы в оценке “9 дней”. Он вам не понравился, т<ак> к<ак> Вы подошли к нему с неправильным критерием: Вы искали в нем решений вопросов — а там решений нет. Весь его смысл в том, что ни один из вопросов *не решается*, ни один из спорщиков не побеждает <...> Фильм очень хороший» (165).

Третий круг — *эстонская научная жизнь*, Тартуский университет в советский период². В нее все участники переписки вовлечены лично, Лотман и Минц — прямо, Егоров, проезжающий в это время в Ленинград, все меньше с бюрократической точки зрения³, но очень интенсивно внутренне. Собственно, университетская жизнь в широком смысле, но очень интенсивно кафедрой, не очень интересует участников переписки. Вот, однако, колоритный фрагмент одного из редких писем Лотмана, почти целиком посвященного университетским новостям: «На Ученом совете мед<ицинского> ф<акультет>а Мартинсон и проф. Хийе (стоматолог, помните, высокий мужчина с густыми бровями) схватились до того, что Хийе тут же умер от разрыва сердца (он уже лежал мертвым в соседней комнате, а Мартинсон продолжал его громить и обвинять в семи смертных грехах). Но этим не закончилось. На другой день мы должны были утверждать Мартинсона на большом Уч<еном> совете, и по голосованию он провалился (один за, все остальные — против). Но он, не дождавшись голосования, часа за два до начала большого Уч<еного> совета покончил <с> собой (когда шло голосование, это еще не было известно), впрыснул себе 5 гр. сулемы. Конец свой он обставил очень импозантно: собрал кафедру, заставил ее 1,5 часа ждать, а затем вышел и произнес прощальную речь: “Я впрыснул себе яд...” и т. д. А еще говорим, что бальзаковские страсти существуют только в литературе...

<...> Это трагическая дуэль, в которую втянулись люди, бывшие учеными, но и, к сожалению, людьми суетными, мелкими <...>. Свои страсти <...> они разменяли на ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Горации и Куриации на коммунальной кухне делаютя склочниками» (275—276).

Упоминание гоголевских персонажей рядом с легендарными героями римской истории, напряженный интерес к трагическим коллизиям биографии, темам дуэли и самоубийства — все это вновь ведет нас к работам Лотмана о русской культуре и поэтике бытового поведения⁴. Как всегда у него, исторические штудии проецируются на современность, которая, в свою очередь, позволяет по-новому интерпретировать прошлое.

¹ Прежде всего, это опубликованная в том же 1962 г. работа «Идейная структура “Капитанской дочки”», ср. также ряд работ 70-х — начала 80-х гг., посвященных проблемам искусственного интеллекта, в первую очередь — «О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры» (1970).

² Мы не останавливаемся здесь подробно на интереснейших свидетельствах об академической жизни Ленинграда, которые содержатся в письмах Егорова.

³ Сохраняя место в Тарту, Б. Егоров все больше времени проводил в Ленинграде. С 1962 г., после окончательного переезда ученого в Ленинград, он, оставаясь членом редколлегии кафедральных «Трудов по русской и славянской филологии», отказывается от руководства серией и чтения лекций в Тарту, не порывая, однако, дружеских и научных связей с тартускими коллегами.

⁴ Ср., прежде всего, «Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)» (1975), «Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века» (1977), «Смерть как проблема сюжета» (опубл. в 1993).

Письма, вошедшие в том, в значительной степени посвящены мелким перипетиям *наузного быта* русских литературоведов в Тарту середины прошлого столетия. Однако следует помнить, что за этими мелочами, за бюрократическими дрызгами, просьбами о получении зарплат и гонораров, разговорами о студенческих практиках и защитах диссертаций, перепиской с издательствами, за сообщениями о болезнях детей, за безумной учебной нагрузкой Лотмана и непростой адаптацией Егорова в ленинградской академической среде, за бытовой неустроенностью¹ ученых и первоапрельскими розыгрышами, которыми в Тарту был так знаменит Б. Ф., — за всем этим пестрым *материалом* не должно теряться главное содержание переписки, основная канва ее сюжета, как он прочитывается сегодня.

Это — становление тартуской кафедры русской литературы как уникального научного коллектива. Советским чиновникам кафедра представлялась, конечно, одним из заурядных провинциальных пунктов русификации «новых окраин» СССР. С этой точки зрения администрация и смотрела на дело, закрывая глаза на возмутительную беспартийность Егорова и не менее возмутительный «пятый пункт» Лотмана и Минц. Но усилия ученых не совпадали с прагматикой начальства. Пользуясь поддержкой ректора Ф. Клемента, Б. Ф. Егоров и Ю. М. Лотман, возглавлявшие кафедру, именно в это время превращают ее в заметную на научной карте точку притяжения для ученых (эстонских и русских), стремящихся выйти за рамки идеологически строго очерченной и бюрократизированной гуманитарной науки. А затем, чуть позже — в один из европейских центров гуманитарной мысли.

На этом пути значимыми вехами представляются сначала создание (1958) собственной серии «Ученых записок» (очень быстро приобретающей известность и популярность за пределами Эстонии и СССР), а затем — «Блоковских сборников» (1962); успешные защиты и начало активной научной деятельности первых выучеников кафедры, составивших первое поколение «коренных» тартуских преподавателей (В. И. Беззубов, С. Г. Исаков, И. А. Чернов); начало приема в Тарту приезжих (не закончивших школу в Эстонии) студентов (1962); первые открытые для «внешних» участников конференции (в том числе — студенческие), первые летние семиотические школы в Кязрику и открытие серии «Трудов по знаковым системам» (1964). Все это обсуждается в переписке и представляет бесценный материал для будущих историков науки.

10 марта 1963 г. Егоров в письме, написанном по следам встречи с Лотманом в Ленинграде, сообщает ему о своем друге Диодоре Сологубе: «<...> он купил в прошл<ом> году мотоцикл, объехал на нем Украину и Крым и счастлив неизмеримо — до тех пор он был связан регламентом сообщений, *расписанием*, а тут — кати куда угодно и сколько угодно, не нужно ни расписаний, ни страха в смысле сядешь на поезд или нет» (251).

В ответном письме Лотман подхватывает эту, отчетливо скрывающую иносказание тему: «Все<,> о чем Вы пишете<,> очень интересно. Я и сам мечтаю о мотоцикле — люблю технику, опять же и о билетах думать не надо. Расписание тоже вещь не из приятных» (254).

Вырисовывающаяся из изданной в Таллинне переписки научная биография ее участников — пример *езды без расписания*. Ее главный сюжет касается и становления тартуской кафедры как центра гуманитарной мысли, и становления участников переписки как ученых, сумевших состояться и сказать свое слово вопреки окружающей их советской рутине.

¹ 4 октября 1960 г. Лотман пишет: «Купите мне 1 кг сухого рыбьего корма <...>, а Заре 1002 <sic!> шт<ук> дамских закрывающихся заколок <...>» (89).

В 1986 г. Лотман писал Егорову: «<...> много лет я слышу жалобы разных лиц на обстоятельства. <...> Я всегда считал ссылку на обстоятельства недостойной. Обстоятельства могут сломать и уничтожить большого человека, но они не могут стать *определяющей логикой* его жизни».

Эти слова могли бы стать эпиграфом к переписке Б. Ф. Егорова с коллегами.

Феликс М. Лурье
(Санкт-Петербург)

БОБ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Так мы с женой называли Бориса Федоровича. Его жена, милейшая Софья Александровна, одобряла это прозвище, Борис Федорович знает. Это не фамильярность, это любовь.

Мы познакомились у С. А. Рейсера в начале 1980-х годов, когда он после очередной командировки вихрем примчался в Ленинград. Первый визит — к Соломону Абрамовичу, у него узнавались все новости. В соответствии с полученными сведениями корректировался план ближайших набегов. Они садились друг против друга, и Соломон Абрамович обстоятельно рассказывал, что происходит в «Библиотеке поэта», Публичке, Пушкинском Доме, Институте культуры, университете. Рейсеру нравилось быть в курсе всего. Надо было видеть, с какой нежностью они смотрели друг на друга.

Сверх чтения лекций в университете или педагогическом институте Бориса Федоровича отовсюду просили оппонировать на защите диссертаций, участвовать в работах симпозиумов и конференций, комиссий и советов, читать спецкурсы в провинциальных вузах. Он много ездил по Союзу, потом прибавились Европа и Америка, много ездит и сейчас. Благодаря обаянию, доброжелательности и порядочности (я умышленно здесь и далее упускаю высочайший профессионализм) с ним стремятся поддерживать дружеские отношения многочисленные ученики и коллеги. Минуло более пятидесяти лет, как он покинул Тарту, но связь с русско-эстонскими коллегами у него не нарушилась.

Не закончив аспирантуру, он в 1951 году переехал в Тарту, куда по окончании аспирантуры получила назначение Софья Александровна, и был принят в старейший на территории Советского Союза многострадальный университет, в 1952 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1954 году двадцати семи лет от роду возглавил кафедру русской литературы. Понимая все, что должен понимать подлинный заведующий кафедрой, Борис Федорович уговорил ректора университета академика Клемента взять на кафедру Ю. М. Лотмана, читавшего лекции в учительском институте.

Борису Федоровичу удалось тогда на кафедре построить антибюрократизм: от преподавателей не требовались планы лекций, планы по семестрам и по всему курсу лекций, не изготавливались никакие методички. Борис Федорович и пришедший в 1954 году Юрий Михайлович создали кафедру русской литературы, куда мечтали попасть многие молодые филологи Союза, куда приезжали на консультации специалисты из Европы и Америки, где проводились семинары и конференции, труды которых расходились по всем континентам. Ими интересовались не только литературоведы и лингвисты, и даже не только различные гуманитарии, но и представители точных и естественных наук.